

*Моим родителям.
Я люблю вас*

*Эсмéра молила луну о детях, и та подарила ей дочерей.
Мать наделила их мудростью звезд и долголетием гор,
но отняла любовь, чтобы та не смогла ослепить.*

КРУЖЕВО ЛЖИ

*189 год со дня Разлома
5-й день одиннадцатого звена*

Гехейн противился приближению зимы.

Она медленно подбиралась к берегам Дáрхэ́льма: первый снег едва припорошил землю, но рычащие голодные волны уже слизали его с темного песка, а колючий ветер подхватил одинокие снежинки, сорвавшиеся с ночного неба, отнес их к променаду и замел под деревянные настилы, будто стыдливо пряча сор от чужих глаз.

Одинокая луна, бледным оком подглядывающая из-за черных туч, уже готовилась нырнуть за покатые городские крыши и уступить место пока еще дремлющему солнцу. Совсем скоро его золотые лучи, словно рыщущие лапы, заскользят по мостовым А́кхэ́лла, заскребнут тонкими когтями по окнам, нырнут под потрескавшуюся черепицу и ласковым теплым касанием пощекочут пушистых альмов, чье залиvistое пение разбудит жителей раньше городских колоколов.

Вот только сегодня будить им было некого.

Акхэлл не спал. На берегу горели высокие костры, вокруг которых, будто щебечущие стайки птиц, сгрудились люди. Ароматный мед плескался в глиняных чашах под аккомпанемент голосов и треск сухих поленьев, согревал замерзшие руки и растекался теплом в груди. Благодаря ему легкий мороз, игриво щиплющий налитые румянцем щёки, оставался незамеченным.

Уходящая ночь наполнилась музыкой, залиvistым смехом и оживленными беседами. Но, несмотря на непринужденность жестов и кажущуюся беззаботность на раскрасневшихся лицах, в воздухе ощущалось напряжение. Он будто стал плотнее, тугими путами овил проворные пальцы музыкантов, и в незатейливых мелодиях зазвучали печальные ноты, а каждый вдох тяжестью оседал в груди, отчего даже самый звонкий смех казался вымученным.

Минуло целое звено с того дня, как каравелла Азáриса Альгрéйва подняла темно-голубые паруса, наполнила их яростным соленым ветром и покинула причал. Вскоре избитое разъяренным морем судно должно было вернуться домой, и третью ночь подряд люди жгли костры на берегу, с возбуждением вглядываясь в горизонт и с колкой тревогой в сердцах готовясь вылавливать обглоданные водой обломки.

– На кого ты поставил, А́лвис? – К одному из костров подошел темноглазый юноша с острым орлиным носом и подошел к старику, плеснув ему медовухи в опустевшую чашку. – На безумное море или более безумного капитана?

Бывший моряк, не понаслышке знакомый с яростью морских вод, еще в молодости лишивших его глаза и многих друзей, медленно отхлебнул горячий напиток. Ответ не спешил слетать с сухих, растрескавшихся губ. Слово не замечая пытливого взгляда юноши, старый Алвис весь обратился в слух и не сводил единственного глаза со Сказочника, перебирающего струны

лютни тонкими изящными пальцами. Его глупые истории об ушедших богах и далеких несуществующих землях давно смолкли – людей не забавляли небылицы, даже городские сплетни и те казались интереснее, – и теперь златовласый бродяга развлекал собравшихся у костра тихой музыкой.

Видимо, решив, что старик не только слеп на один глаз, но и глух на правое ухо, юноша с орлиным носом подсел к нему с другого бока. Но не успел он снова задать свой вопрос, как Алвис сухо ответил:

– К чему эти ставки, если при любом исходе победу одержит безумие императора?

– Если бы не Альгрейв, напрочь лишенный головы и страха, то рассудок Вазилиса оставался бы все еще цел, – недовольно буркнул широкоплечий мужчина напротив, недовольно прикусив догорающую сигару.

– Дело говоришь, – заскрипел рядом старик, древнее Алвиса. – Эти проклятые Слезы свели его с ума. Говорят, в его покоях нет свободного места, где бы не лежали или не висели эти кристаллы. И светят они так ярко, что придворный лекарь ослеп и даже Сила Древней Крови не вернула его глаз.

– В слабоумии правителя нет вины Альгрейва. – Алвис раздраженно сплюнул на песок. – Медовуха отшибла твою память, Ньял? Напряги свои извилины и вспомни, скольких ребят мы потеряли, пытаясь достичь Клаэрии. Сколько раз волны выносили нас на берег в крови наших друзей, которая въелась в кожу так глубоко, что ее до сих пор не вымыть, а Вазилис только и делал, что снова и снова безжалостно отправлял нас на встречу с Сайт?

Старик обвел собравшихся подслеповатым глазом.

– Вы все обязаны Альгрейву своей спокойной жизнью. Пока он с командой бросает вызов Беспокойному морю и каким-то чудом находит Слезы и дорогу домой, вы остаетесь в безопасности на берегу.

Мужчины виновато отвели взгляд, а старый Ньял пробурчал под нос нечто неразборчивое.

– Не понимаю, зачем Вазилису столько Слез? Если он так боится темноты, то ведь у нас есть эфир, и его свет гораздо ярче, – недоуменно произнес юноша с орлиным носом.

Этот вопрос тревожил жителей Дархэльма чаще, чем шторма и заблудившиеся на пустынных дорогах Тени, а слухи, рожденные в попытках отыскать ответ, были куда увлекательнее, чем истории странствующего Сказочника.

– Раньше он не был таким трусом, – проскрежетал Ньял. – Его свела с ума жадность. Он жаждал не света Слез, а Силы, которую хранят в себе эти осколки. Он завидовал народу по ту сторону моря, о котором совершенно ничего не знал. Думаю, это его злило, и он не мог спокойно усидеть на троне, зная, что где-то рядом есть земли, которые ему неподвластны.

– Тогда что же случилось сейчас? – не унимался юноша.

– Я слышал, – полушепотом заговорил мужчина с сигарой, – что император боится темноты и утратил сон, потому что в ночных кошмарах ему являются Призраки. Поговаривают, что это проделки ведьм.

– Не носи чушь, – оборвал его Алвис. – Какое ведьмам дело до Вазилиса? Им плевать на людей, какой бы властью мы ни обладали.

– Но я слышал, что...

– От кого слышал? – едко усмехнулся старик, не дослушав. – От дружков своих, которые никогда не просыхают в «Треснутых чарках»? Лучше бы девку уже нормальную нашел да перестал шляться по кабакам и собирать пустые домыслы.

– Это не пустые домыслы!

Разгорелся спор.

Рука Сказочника дрогнула, лютня издала протяжный болезненный стон, и мелодия разбилась о струны, словно белоснежный фарфор о каменную кладку. Но никто у костра

не заметил внезапно смолкшей музыки – их голоса звучали даже громче разъяренных волн.

Сокрушенно выдохнув, Сказочник повесил лютню за спину, поднял с земли эфирную лампу и направился к деревянной лестнице, поднимающейся к пирсу. Под ней путался в парусине, наброшенной на старые ящики с мусором, холодный ветер и витал затхлый запах рыбы. Со ступеней осыпался песок, но мужчина лишь небрежно смахнул его с волос, поставил лампу на край ящика и поудобнее устроился в полумраке на шаткой конструкции, закинув руки за голову. Голоса бранящихся у костра мужчин стали тише, и под лестницу долетали лишь их редкие отзвуки. Сказочник прислушивался к ним, прикрыв отяжелевшие веки.

– Мне жаль, что они прервали вашу чудесную музыку.

Тихий нежный голос проник сквозь плотную завесу мыслей и разогнал их, словно стаю зазевавшихся альмов. Под лестницу заглянула девушка и любезно протянула растерянному Сказочнику глиняную чашку, от которой поднимался теплый ароматный пар. Он обхватил ее двумя руками, согревая покалывающие от холода пальцы.

– Они ошибаются, – продолжила незнакомка, словно не заметив удивления мужчины. – Ведьмам нет никакого дела до императора, как и до всех людей, лири́т и тамиру́ по эту сторону гор. Но кого они действительно ненавидят, так это всеми любимого Азариса Альгрейва.

– Вы тоже ошибаетесь, – наконец пришел в себя Сказочник. – Люди тоже его не любят.

– Неужели? – искренне изумилась девушка, мельком взглянув в сторону костра, у которого все еще сидел старый Алвис.

– Люди испытывают к нему самые противоречивые чувства, но среди них точно нет любви. Одни боятся Альгрейва, потому что он раз за разом совершает невозможное – возвращается живым, да еще и с богатствами после нескольких недель,

проведенных в море, будто он в родстве с Саит или с морскими тварями. Другие завидуют и относятся с подозрением к лиирит, имеющему доступ ко двору и лично к Вазилису. А третьи, в основном купцы, его ненавидят. Раньше сбор Слез, которые море выносило к берегам Дархэльма, был прибыльным делом. Хорошие кристаллы попадались в песке редко и стоили дорого, но Альгрейв все обесценил. За пару лет своих странствий он привез столько Слез, что удовлетворил тягу безумного императора к их Силе и заполонил кристаллами все дома южан, даже хижины бедняков. О да, купцы его ненавидят! Многие понесли убытки. Многие разорены. И каждый выход каравеллы в море они сопровождают ставками на то, что этот раз последний. Ха! Если бы у богов еще были алтари и храмы, то они кинули бы все золото в их молитвенные чаши, лишь бы Альгрейв никогда не вернулся.

Сказочник невесело усмехнулся, отпил горячего меда, принесенного незнакомкой, и вдруг наконец осознал ее слова.

– С чего вы взяли, что ведьмы ненавидят Альгрейва? – сощурившись, спросил он.

– Мне доводилось слышать их недовольство, – без утайки ответила девушка. – С тех пор как кристаллы заполонили весь юг, ведьмам стало труднее дышать – их душит ненависть к Слезам, как и ко всему, что связано с Эрией.

Мужчина озадаченно нахмурился, осторожно потянулся к пузатой лампе и поднял ее за латунную ручку – за толстым стеклом резвился искрящийся сгусток, похожий на крошечную прирученную молнию. Бледный свет упал на лицо девушки, подчеркнув миловидный румянец на щеках и мягкий контур губ с приподнятыми в улыбке уголками, и отразился в изумрудных глазах. Сказочник изумленно открыл рот.

– Я не ведьма, – опередила его мысли девушка.

Словно лишившись всех сил, мужчина опустил руку, и холодный свет эфира растекся по земле у его ног.

– *Отреченная*, – выдохнул Сказочник. – Мне...

– Жаль? – перебила незнакомка, прежде чем собеседник успел закончить, и вновь улыбнулась. – Не стоит. Уж лучше быть Отреченной, чем рабой древних традиций, запертой за прогнившим частоколом.

Мужчина не без облегчения усмехнулся.

– Что же привело Отреченную на север?

– Любопытство, – призналась она. – Моя сестра была ведьмой. В детстве, когда она только училась использовать Силу и контролировать ветер, который нашептывает будущее, ее беспокоили кошмары. Задолго до того, как император лишился сна и ночные грезы пошатнули его рассудок, моя сестра пережила это за него. И иногда она рассказывала мне о Тьме, что чернильным пятном запятнает разум человеческого правителя, и о мужчине, что будет потакать его болезни и однажды сведет в могилу.

– Вы хотите его остановить? – серьезно спросил Сказочник, удивленно вскинув светлые брови.

– Нет, – отмахнулась девушка, – я лишь хочу посмотреть, как выглядит тот, кто наполнил императорский дворец оружием, которое однажды избавит Дархэльм от безумного властителя.

Сердце учащенно забилося о ребра, и в мыслях Сказочника, словно галдящие вороны, закружили многочисленные вопросы: о ведьме и ее видениях, об императоре и его судьбе, об Альгрейве и его предназначении. Ответы Отреченной могли принести славу его имени – Сказочник бы окутал их красотой своего слова, облек кружевом музыки и поведал в каждом уголке Дархэльма.

Но мужчина не успел выпустить ни одну из своих ворон, и вопросы застыли на его губах одновременно с воцарившейся на берегу тишиной. Она была вязкой, глубокой, как сам Разлом, и непомерно тяжелой. Лишь тихие шепотки, подобно вспыхнувшим пожарам, медленно зарождались где-то вдаль,

возбужденно потрескивали и, словно воздушный подол, стелились следом за юной златовласой девушкой, бредущей по набережной. Она свернула на пирс и остановилась у самого края, где голодные волны жадно лизали деревянные сваи.

Постепенно берег снова наполнился музыкой и голосами. Люди вернулись к прерванным разговорам и спорам, но их взгляды то и дело обращались в сторону хрупкой фигурки на пирсе, рядом с которой, будто каменное изваяние, возвышался громила в потертой дубленой куртке.

– Ксантия Альгрейв, – зачарованно прошептал Сказочник и склонился к Отреченной ближе, словно собирался поведать тайну. – Многие делают вид, что приходят на берег ради споров, ставок и хорошей медовухи, но на самом деле как минимум половина собравшихся здесь ради нее.

– Почему? – Девушка недоуменно округлила изумрудные глаза.

– Потому что она очаровывает. Даже несмотря на то, что она лиирит, люди не обходят ее стороной и не боятся, как боятся ее брата, Азариса, или любого другого из их народа. Наоборот, они слетаются к ней, как мотыльки к золотому пламени, и каждый мечтает стать тем единственным, избранным, кто сумеет подлететь ближе всех и сгореть в ее огне. Вот только путь к ее телу преграждает опытный наемник, а на пути к сердцу стоит моряк, которого страшится даже Беспокойное море.

– Она нравится вам? – не сдержала любопытства Отреченная, одарив Сказочника ласковой улыбкой.

– Что? – Мужчина поперхнулся от удивления и замахал руками, едва не расплескав остатки меда по выцветшей рубашке. – Что вы! Нет! Но... Не стану таить – я заинтригован и мечтаю однажды рассказать ее историю. Ксантия Альгрейв словно принцесса, запертая в серой башне своего одиночества. Принцесса, что днем и ночью стоит на берегу, будто застывшее

мраморное изваяние в ожидании темно-синих парусов. В ее печали есть своеобразная магия, и хочется думать, что каравелла всегда возвращается в порт лишь потому, что носит ее имя. Корабль любит и бережет своего капитана, как любит его родная сестра. Это могла бы быть прекрасная история.

– Я бы с радостью ее послушала, – очарованно произнесла Отреченная.

– Так присоединяйтесь ко мне в моем странствии, и однажды вы станете первой, кто ее услышит.

Девушка покачала головой.

– Я уже истоптала немало дорог. Пора мне сбросить истертую обувь и попытаться найти новый дом. Поэтому завтра я отправлюсь на юг. Один ученый из Эллёра предложил мне работу.

– Что ж, надеюсь, вы обретете то, что ищете.

Они еще некоторое время просидели рядом, молча глядя в мрак на горизонте, пока небо не окрасилось рыжими всполохами рассвета и ночная чернота не растаяла в свете восходящего солнца. Сказочник подкрутил лампу, и голубая молния за стеклом сжалась до крошечного, размером с горошину, шарика.

– Знаете, а я ведь однажды бывал в Ксаафании и даже общался с ведьмой, – вдруг произнес мужчина. – Она поведала мне много старых легенд, которые я пронес по всему Дархэльму и благодаря которым меня теперь с радостью встречают в некоторых деревнях. Но напоследок ведьма предрекла, что если я продолжу гоняться за историей морской принцессы, то окажусь в чужих землях по ту сторону бури и уже никогда не вернусь домой. – Сказочник весело прыснул. – Безумие! Да я скорее поверю той сумасшедшей старухе из Дариона, которая без устали твердит, что однажды мои вороватые руки откусит доселе невиданное существо, названное моим именем. Ха!

– Ведьмы искусно ткут свои истории, и никогда не знаешь, сколько горькой правды или сладкой лжи они в нее вплели, – с тоской произнесла девушка. – Моя мать и вовсе предрекла мне счастливую жизнь и троих детей.

– И вы считаете ее слова ложью? Почему?

– Потому что мы, Отреченные, лишены не только ведьмовской Силы, но и... – Она не договорила, но Сказочник понял ее без слов и сочувственно опустил голову.

– Мне жаль.

– Не стоит. – Она благодарно улыбнулась. – Ведьмы часто лгут.

– Но для чего им подобная ложь?

Девушка легко пожала плечами, и черные локоны соскользнули с них, рассыпавшись по спине.

– Чтобы не говорить правду. Чтобы мы шли той дорогой, которая им нужна. И нам остается лишь покорно идти, надеясь, что впереди действительно ждет счастье, или бороться до конца своих дней, раз за разом сворачивая на чужие тропы.

– Поэтому вы идете на юг? – догадался Сказочник. – Вы хотите пройти по тропе, что для вас предрекла мать, даже если это окажется ложью? Вы не хотите бороться?

– А вы? – мягко упрекнула Отреченная. – Разве не поэтому вы каждый раз ждете каравеллу на этом берегу и не сводите глаз с *морской принцессы*? Ведьмовская ложь как грех – слишком сладка, чтобы ей не поддаться...

– Что ж, так давайте выпьем за эту ложь, – предложил Сказочник.

Он поднял руку, и Отреченная повторила его жест. Глиняные чашки глухо стукнулись, и в этот же миг воздух пронзил женский крик.

Голоса на берегу разом стихли.

На горизонте в золотом свете восходящего солнца раздувались темно-синие паруса.